

В. Т. Нарезный. Запорожец.

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Воспроизводится по изданию:

В. Т. Нарезный. Избранное, - М. Сов, Россия, 1983.

OCR Pirat.

Едва взошло осеннее солнце над необозримыми равнинами моря Черного, вся Запорожская Сечь зашумела. Бесчисленное множество парода толпилось на обширной площади, пред храмом угодника Николая. Громкой звон колоколов потрясал воздух. Звук труб и лнтавров далеко расстился по ровному полю и гладкой поверхности моря.

Радостный говор народа изъяслял всеобщее восхищение.

Что ж было виною сего торжества всеобщего? Еще на заре утренней прискакал гонец с радостным известием, что войсковой атаман Авенир Булат, по весне отправившийся с отборною дружиною для усмирения хищных закубанцев, возвращается восвояси с полною победой и богатою добычей. Он просил духовенство не начинать литургии, пока не вступит в Сечь, дабы воины, столь долго лишавшиеся счастья слышать слово божие, при самом появлении в пределы места драгоценного, могли сего сподобиться, облобызать крест господен и окропиться водою священной.

С постепенным возвышением солнца нетерпение народа возрастало. То глубокое молчание, то шумные восклицания измеряли время. Наконец, с восточной стороны поднялась в поле пыль высокая; еще одно мгновение, и все увидели развевающуюся в воздухе хоругвь Запорожскую. Кто опишет радостное смятение обитателей Сечи, их крики, вопли и завывания? Но увы! прибывший с радостным известием гонец, по именному велению атамана умолчал, что этот храбрый муж, этот достойный предводитель получил две глубокие раны, одну в грудь, другую в голову. Не имея сил сам собою держаться на коне, он ехал, поддерживаемый с каждой стороны казаками; двое вели за узду унылого коня его. За ним несли хоругвь, и храбрая дружина следовала с поникшими взорами. Вздохи теснили грудь каждого, и щеки омочены были обильными слезами. Они не смели взглянуть на оставшихся в Сечи товарищей, стыдясь во взорах их встретить достойные упреки, что сами возвращаются в совершенной целости, кроме нескольких, падших на поле решительной битвы, а не умели сберечь храброго вождя своего.

Когда Авенир поровнялся с дверьми церковными, то по данному им мановению коня его остановили. Духовенство приблизилось к нему с крестами и хоругвиями священными.

Но, взглянув на бледное лицо атамана, едва испускающего дыхание, оно остановилось с ужасом. Все людство, толпившееся вокруг его, узнав причину поражения духовных, восстенало, подняло вопль горестный и возрыдало. Мгновенно колокольные звоны и звуки трубные умолкли, и не было бы конца общему смятению, если бы сам Авенир не дал знака к молчанию. Глубокая тишина распростерлась; он собрал силы и - хотя голосом слабым, но довольно внятным - произнес: "Почтенные отцы духовные и вы, дети мои, казаки запорожские! Неужели последним подвигом не заслужил я, чтобы встретили меня с веселием, как всегда встречали доселе возвращавшегося из походов? Неужели раны, атаманом вашим полученные, могут пристыдить вас при свидании с родными нам малороссиянами или безбожными агарянами? Или дорогою ценою купил я победу и приобрел корысти? Обозрите все, сочтите - и будьте веселы!

Двадцать храбрых казаков пали на месте битвы, до сорока ранены. Зато получили мы, если не навсегда, по крайней мере на долгое время, спокойствие; в плен взято около тысячи мужей, жен и детей обоего пола; отбито пятьсот коней, триста волов, бесчисленное множество овец, несколько дюжин ружей, пистолетов, сабель, дорогих ковров и связок шелковых и бумажных тканей. Посредством торга с соседними турками и татарами обратите всю добычу в серебро и золото. Десятая часть - по установлению нашему - да посвятится на украшение храма угодника божия; что достанется на мою долю, если к тому времени угодно будет провидению воззвать меня к иной жизни, да будет вручено по равным частям этим четверым моим провожатым, сему старцу Вианору и этим юношам: Астиону, Эрасту и Крониду. Они же должны быть наследниками и прочего имущества, трудами моими приобретенного. Теперь уготовьте для меня одр у этих врат церковных. Возлежа на нем, я хочу услышать, может быть в последний раз, святое слово божие и помолиться благому милосердию об отпущении многочисленных грехов моих".

В ту же минуту исполнено было желание Авенира. Погребательный одр поставлен на месте назначения и покрыт ковром драгоценным. С величайшею осторожностью сняли его с коня и усадили на сем ложе. В головах стал знаменосец, имея по обе стороны Вианора и Астиона; в ногах стояли Эраст и